

УДК 94(571.17):631.115.6

**КОЛЛЕКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВА КУЗНЕЦКОГО ОКРУГА
НАКАНУНЕ МАССОВОГО КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ**

М. В. Казьмина

KUZNETSK DISTRICT ON THE EVE OF MASS COLLECTIVE-FARM MOVEMENT

M. V. Kazmina

В статье дана характеристика коллективных хозяйств, существовавших в Кузнецком округе в 1927 – 1929 гг. Показано отношение крестьян к производственным кооперативам. Выявлено их значение в преддверии массовой коллективизации.

The paper presents the characteristics of the collective farms that existed in the Kuznetsk district in 1927-1929. It shows the peasant's attitude to industrial cooperatives. Their importance in anticipation of mass collectivization is revealed.

Ключевые слова: коллективизация, производственное кооперирование, Кузнецкий округ.

Keywords: collectivization, industrial cooperatives, Kuznetsk district.

В современных условиях как зарубежные, так и отечественные ученые уделяют большое внимание проблемам локальной истории [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8,]. Автор статьи соглашается с теми из них (С. А. Гамаюнов, С. И. Маловичко и др.), которые под концептом «локальная история» понимают прежде всего историю «микросообщества», совокупности людей, осуществляющих определённую историческую деятельность [4]. Особый интерес вызывают изменения, происходящие в локальных сообществах в период исторических разломов. К таковым относится история коллективизации сельского хозяйства.

В 1927 г. XV съезд ВКП (б) провозгласил курс на создание колхозов. Эта установка была воспринята партийными органами на местах как руководство к действию, в том числе и в одном из Сибирских округов – Кузнецком, где в 1927 – 1928 гг. создается окружной отдел колхозов представительства Сибсельскосоюза [9, л. 4, 36]. В нем работало 16 человек (агрономы-коллективисты, инструкторы-коллективисты, практиканты-зоотехники). Однако их уровень квалификации в области сельского хозяйства был низок. Из семи инструкторов-коллективистов четверо (57 %) не имели специального образования и практического опыта. При этом они должны были выполнять план по организации колхозов, проводить агрокультурные мероприятия, руководить проведением посевной кампании, работать в сфере кредитования колхозов [9, л. 39]. Определенную пользу приносили работавшие в городе Щегловске одномесячные курсы по подготовке руководителей колхозов, но радикально повлиять на ситуацию в кадровом вопросе они не могли. Партийные и советские органы проводили культурно-просветительскую работу на селе, нацеленную на разъяснение преимуществ колхозов в сравнении с единоличными хозяйствами.

В июне – июле 1927 г. в регионе проводилось выборочное обследование, которое охватило 5149 хозяйств из 67086 (т. е. каждое 13-е хозяйство, или около 8 %). Было установлено, что удельный вес беспосевных хозяйств составил 10,64 %. С посе-

вом до 1 десятины – 12,4 %. От 2 до 3 десятин – 14,74 %. Основную группу составляли хозяйства с посевом от 3 до 6 десятин – 33,43 %. Удельный вес хозяйств с посевом от 6 до 9 десятин был равен 10,44 %. Только 3,75 % хозяйств относились к категории с посевом выше 9 десятин. За период НЭПа доля последних сократилась в 5,8 раза (в 1920 г. их было 21,66 %) . Из приведенных данных видно, что основной группой крестьянских хозяйств были те, что имели посев от 3 до 6 десятин, за тот же период их удельный вес вырос на 3,38 % [10, л. 11, 12].

Таблица 1

Критерии оценки бедняцко-средняцких хозяйств в Кузнецком округе

<i>Критерии оценки</i>	<i>Бедняцкое хоз-во</i>	<i>Средняцкое хоз-во</i>
Число едоков (человек)	5 – 6	нет данных
Дом (шт.), стоимость дома (руб.)	1 200	1 500
Амбар (шт.), стоимость амбара (руб.)	1 50	1 100
Лошадей, стоимость (руб.)	2 200	3 400
Коров, стоимость (руб.)	2 100	3 150
Овец, стоимость (руб.)	10 50	15 75
Свиней, стоимость (руб.)	2 30	3 60
Плуг, стоимость (руб.)	1 30	1 30
Прочее имущество (руб.)	15	335
Общая стоимость хозяйства (руб.)	700	2000

В 1928 г. господствующей формой землепользования в Кузнецком округе была общинно-чересполосная. Она составляла 74,05 % по общим трудовым землям [11, л. 16]. Этот факт имеет большое значение для понимания роли и значения общины в жизни крестьян округа.

Накануне коллективизации партийные органы предлагали критерии для определения категории хозяйства (беднейшее, середняцкое, кулацкое) в сибирских условиях [11, л. 16].

Из данных таблицы следует, что при совпадении количественных показателей (1 дом, 1 амбар) в бедняцких и середняцких хозяйствах значительно отличалась их стоимость – в 2 – 2,5 раза. Обращает на себя внимание и тот факт, что хозяйства различались количеством скота и его средней ценой. Логично

предположить, что имело место отличие в его качественных характеристиках. По такому критерию как «прочее имущество» в денежном выражении середняцкое хозяйство превосходило бедняцкое в 22,3 раза. В целом стоимость имущества середняцкого хозяйства была почти в 3 раза выше, чем бедняцкого. Столь подробное описание бедняцко-средняцких хозяйств позволяет понять, почему их владельцы, не говоря уже о более зажиточных категориях, не торопились расставаться со своей собственностью в период массового колхозного движения.

В преддверии форсированной коллективизации в Кузнецком округе уже имелись коллективные хозяйства [10, л. 13].

Таблица 2

Производственное кооперирование в Кузнецком округе

Виды с/х объединений	1927 г.		1928 г.		План 1929 г.	
	число колхозов	число хозяйств	число колхозов	число хозяйств	число колхозов	число хозяйств
С/х коммуны	9	105	25	295	32	704
С/х артели	13	151	33	284	58	1160
Товарищества СОЗ	5	59	49	461	88	1320
Итого по сложн. объединениям	27	315	107	980	178	3184
Простейшие с/х объединения	258	2381	378	5972	430	8170
Всего	285	3696	485	7012	608	11354

Данные таблицы 2 свидетельствуют, что в 1927 г. на первом месте по абсолютным показателям и удельному весу среди коллективных хозяйств стояли сельхозартели – 13 (48 %). На втором месте – коммуны – 9 (33 %), на третьем – товарищества – 5 (19 %). В 1927 г. в период обследования в регионе было выявлено 67086 крестьянских хозяйств. Опираясь на это утверждение, можно подсчитать, что в 1927 г. только 0,5 %, а в 1928 г. 1,5 % крестьянских хозяйств вошли в колхозы. В 1929 г. этот показатель планировалось довести до 4,7 %. В 1927 – 1928 гг. производственные объединения не были крупными. Если взять средний показатель, характеризующий число хозяйств, входивший в один коллектив, то он не превышал 12 хозяйств. В планах партийных органов на 1929 г. предполагалось не только увеличить количество колхозов, но и сделать их более крупными объединениями (в среднем по 20 – 22 крестьянских двора). Таким образом, крестьянство очень сдержанно реагировало на призыв вступать в колхозы, продолжая следовать сложившимся традициям.

К 1928 г. общее число колхозов, в сравнении с 1927 г., выросло в 4 раза. Форсированно создавались товарищества. Их число увеличилось в 9,8 раза и составило 49, что привело к лидированию этой формы объединения (46 %). Сельхозартели переместились на второе место. Рост составил 2,5 раза при удельном весе в 31 %. Коммуны заняли третье место. Их численность выросла в 2,8 раза, а удельный вес составил 23 %. Накануне массового колхозного движения крестьяне Кузнецкого округа отдавали предпочтение товариществам, где в сравнении с другими формами коллективных объединений обобществление было значительно меньше [11, л. 53]. При этом всем окружкам известна была директива бюро Крайкома от 10 марта 1929 г., что приоритетной формой коллективных хозяйств, по мнению центра, считалась артель. Документ также предостерегал от форсирования в создании коммун. Последний тезис объясняют данные таблицы [11, л. 31].

Таблица 3

Обобществление в коммунах и товариществах

Виды колхозов	Обобществлено					В индивидуальном пользовании			
	жи-лые строения	зерно-хранилища	скот-ные дворы	мертвый инвентарь	живой инвентарь	ло-ша-дей	продоволь-ственный скот	С/х инвентарь	Хоз. по-стройки
Коммуны	221,4	6,3	46,0	229,0	252,3	-	-	-	-
Товари-щества	20,1	4,3	2,1	73,3	1,4	109,7	74,9	41,6	170,1

Из приведенных материалов видно, насколько высок был уровень обобществления в коммунах. В индивидуальном пользовании не было лошадей, продовольственного скота, сельскохозяйственного инвентаря и хозяйственных построек. В товариществах, наоборот, все это оставалось в распоряжении владельцев крестьянских дворов. Радикально отли-

чался и уровень обобществления (в пользу коммунальных жилых строений, скотных дворов, зернохранилищ, живого и мертвого инвентаря).

О социальном составе колхозов говорят ниже следующие данные [11, л. 16].

Таблица 4

Социальный состав колхозов (начало 1929 г.)

<i>Соц. группа</i>	<i>С/х коммуны</i>	<i>С/х артели</i>	<i>Товарищества СОЗ</i>	<i>В среднем</i>	<i>Простейшие объединения</i>
Батраки	9,3	4,9	3,2	3,8	5,2
Бедняки	72,0	79,1	83,3	76,9	68,9
Средняки	17,6	16	12,7	15,4	23,6
Зажиточные	1,1	-	0,8	0,95	2,3
	100	100	100	100	100

На начало 1929 г. в составе как простейших объединений, так и производственных кооперативов преобладали бедняки (соответственно 68,9 % и 76,9 %). Вместе с батраками их доля возрастала до 74,1 % и 80,7 %. Удельный вес бедняков выше всего был в товариществах (83,3 %), затем в артелях (79,1 %) и коммунах (72,0 %). Таким образом, преобладая во всех формах коллективных объединений, бедняки отдавали предпочтение хозяйствам с наименьшей степенью обобществления.

Почти на четверть простейшие объединения состояли из середняков. Однако в колхозах их удельный вес был значительно ниже – 15,4 %. Среди форм производственного кооперирования они отдавали предпочтение (по убыванию) – коммуна, артелям и ТОЗам.

Зажиточная часть деревни была крайне слабо представлена как в простейших кооперативах (2,3 %), так и в производственных формах – (0,95 %). Но, как и середняки, зажиточные активнее входили в коммуны (1,1 %), т. е. объединения с наиболее высокой степенью обобществления, затем в товарищества (0,8 %). Как следует из данных таблицы, в сельскохозяйственных артелях они не были представлены. Это на первый взгляд парадоксальное обстоятельство имеет свое объяснение, о чем будет сказано ниже.

Во всех коллективных хозяйствах региона большое значение придавалось партийной прослойке. Представление об этом дает материал таблицы 5 [9, л. 2. Подсчеты в % автора статьи].

Таблица 5

Колхозы Кузнецкого округа по состоянию на 1 мая 1928 г.

<i>Коммуна</i>	<i>Всего населения (от 1 г. до 16 / от 16 и старше)</i>	<i>Членов ВКП (б)</i>		<i>Комсомольцев</i>	
		<i>всего</i>	<i>% от взросло- го населения</i>	<i>всего</i>	<i>% от взросло- го населения</i>
Марсель	127 (56/71)	10	14	23	32
Боевая	105 (50/55)	10	18	15	27
Труд	260 (133/127)	16	13	18	14
Красная поляна	103 (48/55)	11	20	9	16
Искра	137 (61/76)	18	24	9	12
Свобода	84 (34/50)	8	16	10	20

Самый высокий удельный вес членов партии был в коммунах «Искра» (24 %) и «Красная поляна» (20 %). Самый низкий в объединениях «Труд» (13 %) и «Марсель» (14 %). Но в коммуне «Марсель» была самая большая прослойка комсомольцев (32 %). Следует отметить, что в сумме удельный вес членов ВКП (б) вместе с комсомольцами был достаточно высок и колебался от 27 % до 46 %.

Государство стремилось не только пропагандистки, но и экономически поддержать нарождавшиеся в Кузнецком округе колхозы. Их земли за период

с 1926 – 1927 гг. по 1928 – 1929 гг. выросли в 39 раз, о чем свидетельствуют данные таблицы [10, л. 1].

Таблица 6

Рост коллективного сектора по площади

<i>Годы</i>	<i>Выдел земли колхозам (га)</i>
1926 – 1927	1037
1927 – 1928	13481
1928 – 1929	40900

Таблица 7

Обеспеченность на едока посевом и нагрузка на одного работника в га (апрель 1929 г.) [11, л. 17]

	В 1928 г. посев на едока	В 1929 г. посев на едока	Нагрузка на одного работника
У населения	0,66	0,70	0,4
В с/х коммунах	1,25	1,45	2,9
В с/х. артелях	0,81	0,91	1,82
В товариществах СОЗ	0,81	1,12	2,24

Из приведенных данных вытекает, что во всех типах хозяйств за 1928 – 1929 гг. вырос посев в расчете на едока. У населения меньше всего – на 6,1 %. Что касается производственных форм кооперирования, то этот показатель был выше всего в товариществах – (рост на 38,3 %). На втором месте шли коммуны (рост на 16,0 %). На третьем – артели (рост на 12,3 %). Как в 1928, так и в 1929 гг. первенство по величине посева на едока принадлежало коммунам. В 1929 г. в этих хозяйствах обеспеченность посевом на едока была больше чем в ТОЗах в 1,3 раза, чем в артелях в 1,6 раза. В коммунах также была и самая

высокая нагрузка на одного работника – 2,9 га. Этот показатель был выше, чем у населения в 7,3 раза, чем в ТОЗах в 1,3 раза, чем в сельхозартелях в 1,6 раза.

Как свидетельствуют архивные документы, в конце 1929 г. по такому показателю, как посев на едока, лидировали по-прежнему коммуны, на втором месте, с небольшим отрывом, шли артели, на третьем – товарищества [12, л. 75].

Составить представление об обеспеченности скотом на одно крестьянское хозяйство в 1929 г. позволяют данные таблицы [12, л. 77].

Таблица 8

Обеспеченность скотом на одно хозяйство

	<i>Лошади</i>	<i>Крупный рогатый скот</i>	<i>Коровы</i>	<i>Овцы</i>	<i>Свиньи</i>
Индивидуальное хозяйство	1,90	1,90	1,09	3,10	0,24
Колхозы	1,62	1,65	0,35	2,44	0,11

По обеспеченности всеми видами скота преимущество было за индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Однако статистика свидетельствует о резком снижении некоторых видов скота в хозяйствах, в том числе коров, овец и свиней. Так, в преддверии коллективизации в бедняцких хозяйствах, как правило, имелось по 2 лошади и коровы, 10 овец, 2 свиньи. У середняков по 3 лошади и коровы, 15 овец, 3 свиньи. За короткий период времени эти показатели резко сократились. Так крестьянство ответило на политику центра.

Государство уделяло значительное внимание техническому оснащению колхозов, что, по мнению власти, должно было послужить дополнительным аргументом в пользу вхождения крестьян в коллективные хозяйства [9, л. 30].

Таблица 9

Динамика механизации в сложных колхозах Кузнецкого округа

<i>Наименование</i>	<i>1926 г.</i>	<i>1927 г.</i>	<i>1928 г.</i>
Тракторы	7	6	19
Триеры	6	10	48
Сеялки	13	25	102

Из таблицы следует, что количество тракторов с 1926 г. по 1928 г. выросло в 2,7, а триеров и сеялок в 8 раз, хотя следует подчеркнуть, что столь высокие цифры роста объясняются и низкими стартовыми показателями.

Большое значение имело кредитование коллективных хозяйств. С середины 1920-х гг. государство достаточно активно выделяло кредиты коммунам [9, л. 12]. Так, в Кузнецком округе по линии сельхозбанка и Сельхозсоюза с 1.10.1927 г. по 1.10.1928 г. крестьянские хозяйства получили кредитов на сумму 325934 руб. Из них 35000 руб. были выделены целенаправленно для колхозов и совхозов, т. е. 11 %.

В 1928 г. партийные органы Кузнецкого округа исследовали организацию труда в 20 коммунах. Только в 4 из них была введена месячная оплата труда, остальные существовали, руководствуясь принципом – «по способности, по потребности».

Накануне коллективизации была проведена кампания по борьбе с «засорением» в простейших объединениях, а также коммунах и артелях чуждыми элементами. [11, л. 28, 31, 42, 43; 13, л. 3, 4, 5]. Показателен в этом отношении пример коммуны «Красный Клин». 13 марта 1929 г. бюро Усть-Сосновского РК ВКП (б) рассмотрело вопрос «Об идейном и хозяйственном состоянии коммуны «Красный Клин», которая была создана 5 мая 1928 г. из крестьян деревни Озерки. В коммуну входило 22 хозяйства (6 бедняцких, 14 середняцких, 2 зажиточных) со 107 едоками. В 1926 – 1927 гг. эти крестьяне приобрели определенный опыт совместной работы в семенном и машинном товариществах. В коммуне был 1 член партии, 6 кандидатов в члены ВКП (б) и 5 комсомольцев. В 1928 г. это коллективное хозяйство объединяется с коммуной «Имени Сталина» той же деревни в количестве 9 хозяйств

(4 бедняцких, 4 середняцких и 1 зажиточное) с 48 едоками. Особенность данного коллектива была в том, что на 50 % он состоял из родственников. 7 человек были коммунистами и комсомольцами.

Партийные органы не уstraивал тот факт, что объединившиеся коммуны, оказавшись по составу середнячко-зжиточными, приостановили прием из батрачко-бедняцкой части населения. После разъяснительной работы к марту 1929 г. количество хозяйств в коммуне увеличилось с 31 до 73, что привело к изменению социального состава. Наряду с 3 зажиточными и 28 середняцкими хозяйствами, в коллектив были приняты 1 рабочий, 10 батраков и 31 бедняк.

Совет коммуны состоял из 7 человек (2 члена партии, 2 кандидата в члены ВКП (б), 3 беспартийных). В ревизионную комиссию входило 3 человека (все кандидаты в члены ВКП (б)).

До вмешательства партийных инстанций председателем коммуны был кандидат в члены ВКП (б), зажиточный крестьянин. Его семья состояла из 8 человек. Председатель коммуны внес больше всего имущества в общий фонд – на 2004 руб. Заместителем председателя совета коммуны был зажиточный (сын кулака-лишенца), беспартийный крестьянин. Он имел семью из 4 человек и внес имущества на сумму 884 руб. 50 коп. Брат заместителя председателя входил в совет коммуны и работал счетоводом. У него было середняцкое хозяйство, семья состояла из 6 человек. Сумма внесенного имущества составляла 673 руб. 50 коп. Еще один член совета коммуны, бывший секретарь партийной ячейки (коммунист с 1920 г.), середняк, имел семью из 6 человек и внес имущества на 1010 руб. 50 коп. В совет коммуны входил и бедняк, кандидат в члены ВКП (б). Его семья (7 человек) внесла имущества на 320 руб. 25 коп.

Столь подробное описание позволяет увидеть ряд существенных моментов:

- руководство коммуны состояло в своем большинстве из представителей зажиточно-средняцких хозяйств, часть из них была связана родственными узами;
- удельный вес партийной прослойки в совете коммуны был высоким;
- сумма имущества, вносимого в коммуну, зависела от типа хозяйства, количества едоков в нем и того поста, который занимал человек в совете коммуны. Не случайно председательский взнос был самым большим.

Все вышеперечисленные представители совета коммуны были сняты со своих должностей, а члены и кандидаты в члены ВКП (б) исключены из партии или не приняты в нее. Райком партии обвинил руководство коммуны в проведении неправильной политики при обобществлении имущества тех, кто вступал в коллективное хозяйство. Для личного пользования оставался живой и мертвый инвентарь, прочее имущество и скот (надворные постройки, лошади, свиньи, овцы, коровы). Застрельщиком этого дела был, по мнению бюро райкома, совет

коммуны. Руководители оставили больше всех имущества в личном пользовании и их примеру следовали другие. До сентября 1929 г., по утверждению райкома, каждый владелец доил своих коров, сдавал излишки молока на маслозавод и полученную вырчку записывал на свой счет, в то время как бедным не хватало молока [13, л. 6].

Однако, несмотря на столь жесткие классовые и идеологические приоритеты, которыми руководствовалось бюро райкома, оно признало существенные производственные достижения коллектива. Хозяйство было верно ориентировано на развитие полеводства и животноводства. Молочный и рабочий скот содержался в хороших условиях. К заслугам руководства относилось: рациональное использование рабочей силы, проведение планового ремонта сельхозмашин, сохранность семенного материала, а также увеличение посевной площади на 300 %. Таким образом, по производственной части не было сделано ни одного замечания.

Несмотря на это, бюро райкома вместо «чуждых» инициировало избрание в совет коммуны «классово-выдержанных» представителей. Оно предложило ввести должность освобожденного от физических работ платного (за счет коммуны) секретаря ячейки. Такого рода практика уже существовала в коммунах округа [13, л. 7, 8].

Подробное описание ситуации, сложившейся в коллективе «Красный Клин», позволяло сделать ряд выводов. Зажиточно-средняцкая часть, возглавляя это объединение, обеспечила хорошие результаты по производственным показателям. Среди руководства колхоза был достаточно высок удельный вес членов и кандидатов в члены ВКП (б). Хотя, судя по действиям руководителей колхоза, принадлежность к партии скорее рассматривалась этими людьми в качестве определенного преимущества в сложившейся ситуации. В пользу данного вывода говорит и организация производства в коммуне. Приняв форму обобществления, руководство не приняло его суть, о чем свидетельствовал низкий уровень обобществления средств производства, скота и пр., а также организация работы и распределение доходов. Крестьянский конформизм проявился в использовании формы коллективного хозяйства, но при этом ее внутреннее содержание не противоречило здравому смыслу, что и обеспечило высокие производственные показатели. Однако политические установки, давление со стороны партийных органов оказалось выше здравого смысла. Замена руководства колхоза, а также предложение о введении освобожденного платного секретаря партийной ячейки, должны были способствовать более последовательному проведению на местах политики центра. По большому счету, экономика была принесена, на примере этого частного случая, в жертву политике.

Компания по борьбе с «лжеколхозами» имела свое продолжение. 3 июля 1929 г. на заседании Кузнецкого бюро окружкома ВКП (б) предлагалось пересмотреть состав имеющихся руководителей колхозов, очистив его от случайных и чуждых элементов и провести силами Колхозсоюза и Райко-

ма ВКП (б) проверку классового состава коммун и сельскохозяйственных артелей.

В ноябре 1929 г. в Прокопьевском районе распускается 4 колхоза. Коллективные хозяйства «Красная Звезда» и «Земледелец» были признаны «лжеколхозами», так как в них входили кулаки и зажиточные. В колхозах «Расцвет» и «Пролетарий» обнаружилось не только «засорение чуждыми элементами», но и «окулачивание», «разложение коммунистов и руководства». В частности отмечалось, что из 8000 пудов обмолоченного хлеба было сдано государству только 800 пудов. Инвентарь использовался для обслуживания индивидуальных и кулацких хозяйств [11, л. 48, 49]. «Чуждые элементы» были обнаружены в коммунах «Серп и молот» и «Красный пахарь».

В 1929 г. ряд коллективных хозяйств отказался выполнять хлебозаготовки, что привело к их чистке. По оценке партийных органов «кулацкое представительство» в колхозах превысило 6 % [11, л. 75]. Эти данные отличаются в 6,3 раза в большую сторону от тех, что звучали до начала кампании по борьбе с «лжеколхозами». Таким образом, наблюдается расширительное толкование понятия «кулак». Крестьянам в очередной раз дали понять, что, в случае несогласия с политикой ВКП (б), легко можно оказаться в числе «классово-чуждых» со всеми вытекающими последствиями.

Накануне массовой коллективизации партийные органы проводили комплекс мер (выделение земель, кредитование, снабжение техникой, инвентарем и т.п.), призванных сформировать положительное отношение крестьян к колхозам. Несмотря на это, крестьянство не торопилось расставаться с привычным укладом жизни.

На протяжении 1927 – 1928 гг. процент коллективизации был низким. Преимущественно в колхозы входили бедняки. Однако в этот период обнаруживается стремление вступить в коллективные хозяйства со стороны отдельных представителей середняков и зажиточных крестьян. Войдя в объединение, они пользовались льготами, добивались хороших экономических показателей, но при этом практически продолжали оставаться единоличниками. В таких коллективах во главе стояли крепкие хозяева, руководившие прежде всего экономически-

ми интересами и выгодой. Конформизм проявлялся и в том, что они вступали в ВКП (б). Однако, несмотря на хозяйственные успехи таких колхозов, партийное руководство посчитало их формальными объединениями и организовало кампанию по борьбе с «лжеколхозами». В начавшемся колхозном строительстве крестьянство попыталось совместить социально-политический проект партруководства с традиционными нормами хозяйствования. Однако возникшее при этом противоречие было разрешено в пользу политических установок.

Литература

1. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии: 1920 – 1930-е годы / Н. Б. Лебина. – СПб., 1999. – 317 с.
2. Лебина, Н. Б. Повседневность 1920 – 1930-х годов: борьба с пережитками прошлого / Н. Б. Лебина // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М., 1997. – Т. 1.
3. Лебина, Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20 – 30-х гг. / Н. Б. Лебина // Вопросы истории. – 1995. – № 2.
4. Маловичко, С. И. Современная историческая наука и изучение локальной истории. – URL. Режим доступа: <http://abuss.narod.ru/Biblio/malovichko.htm>.
5. Осокина, Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928 – 1935 гг. / Е. А. Осокина. – М., 1993.
6. Осокина, Е. И. За фасадом «Сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927 – 1941 / Е. И. Осокина. – М., 1998.
7. Соколов, А. К. Об изучении социальных преобразований советской власти (1917 – 1930-е годы) / А. К. Соколов // Россия в XX веке: Реформы и революции: в 2 т. Т. 1. – М., 2002.
8. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик. – М., 2001.
9. ГАКО. Ф.П-8. Оп.1. Д.325.
10. ГАКО. Ф.П-8. Оп.1. Д.419.
11. ГАКО. Ф.П-8. Оп.1. Д.416.
12. ГАКО. Ф.П-8. Оп.1. Д.461.
13. ГАКО. Ф.П-8. Оп.1. Д.417.